

КЭНДЗАБУРО ОЭ

*ОБЪЯЛИ МЕНЯ ВОДЫ
ДО ДУШИ МОЕЙ...*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)я44
О-97

Серия «Эксклюзивная классика»

Kenzaburo Oe
KOZUI WA WAGA TAMASHII NI OYOBI

Перевод с японского *В. Гривнина*

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения Kenzaburo Oe Estate
и The Wylie Agency (UK) Ltd.

Оэ, Кэндзабуро.

О-97 Объяли меня воды до души моей... : [роман] / Кэндзабуро Оэ ; [перевод с японского В. Гривнина]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-164761-2

Вышедшая в 1973 году притча-антиутопия «Объяли меня воды до души моей...», название которой позаимствовано из библейской Книги пророка Ионы, считается главным произведением Нобелевского лауреата по литературе Кэндзабуро Оэ.

В один прекрасный день Ооки Исана, личный секретарь известного политика, решает стать затворником. Объявив себя поверженным деревьев и китов — самых любимых своих созданий на свете, — он забирает у жены пятилетнего сына и поселяется в частном бомбоубежище на склоне холма...

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)я44

© Kenzaburo Oe, 1973
© Перевод. В. Гривнин, наследники, 2024
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Глава 1

АТОМНОЕ УБЕЖИЩЕ

Мировоззрение, характерное для эпохи сверхзвуковых скоростей, когда человек, достигнув Луны, устремился к Марсу, плохо уживается с таким немислимым анахронизмом, но тем не менее нашелся в Японии промышленник, который, увлекшись американскими идеями, тоже решил заняться строительством индивидуальных атомных убежищ и продавать их как стандартную продукцию. Первое такое убежище было построено в Японии на западной оконечности взгорья Мусасино. Основание крутого косогора, спускавшегося от жилого массива к заболоченной низине, густо заросшей тростником и мискантом, было подрыто, и построен железобетонный бункер размером три метра на шесть.

Однако массовое производство атомных убежищ наладить не удалось, и это единственное в нашей стране убежище для личного пользования оказалось заброшенным. Через пять лет компания, строившая атомное убежище, использовав бункер в качестве фундамента, возвела трехэтажное здание,

похожее на колокол. Основание первого этажа представляло собой прямоугольник площадью восемнадцать квадратных метров, как и бункер. Задняя его часть вплотную примыкала к косогору. Сбоку были пристроены кухня и уборная. В маленькой прихожей перед уборной, немного в стороне, винтовая лестница связывала комнаты всех трех этажей. Третий этаж, где на противоположной от винтовой лестницы стороне был встроен балкон, оказался по площади меньше остальных, таким образом, здание несколько сужалось кверху, и третий этаж чем-то напоминал капитанский мостик. В железобетонных стенах на каждом этаже были окна-бойницы с двойными непробиваемыми стеклами.

Дом имел такой странный вид потому, что архитектор, возводя само здание, упорно привязывал его к бункеру. Из комнаты на первом этаже, служащей столовой, можно было, подняв крышку люка — как на подводной лодке, — по крутой металлической лестнице спуститься в бункер.

Мужчина, решивший поселиться в этом доме (и живущий в нем по сей день), потребовал внести лишь одно изменение в первоначальный проект бункера. Он попросил пробить в железобетонном полу прямо под металлической лестницей квадрат тридцать на тридцать сантиметров и обнажить землю. Этот квадрат темно-бурой кантоской плодородной земли был всегда сырым. Хозяин дома с помощью кирки — непременной принадлежности атомного убежища — постоянно разрыхлял свой

тридцатисантиметровый земельный участок. Если воды становилось слишком много, он делал в середине квадрата лунку и кружкой вычерпывал из нее воду. Когда шел сильный дождь, вода, сбегая по косогору за домом, впитывалась в землю и обильно заливала тридцатисантиметровое поле.

Это абсолютно бесполезное четырехугольное отверстие служило хозяину дома опорой для ног в минуты размышлений. Усевшись на стул с прямой спинкой и воткнув, как рассаду, босые ноги в землю, он предавался размышлениям. И летом, когда холодная влажная земля была приятна, и зимой, когда она покрывалась обильным инеем и сводила ноги, размышлял он об одном — как достичь духовного слияния с деревьями, покрывающими землю, и с китами, обитающими в далеких морях. В недавнем прошлом он был личным секретарем своего тестя, консервативного политика, близкого к правительству, пользующимся особым его доверием; позже, в строительной компании, которую этот политик контролировал, на него была возложена реклама и сбыт атомных убежищ, но в один прекрасный день он бросил все, что идентифицировало его как личность, и, забрав у жены ребенка, стал жить затворником. Он сам назначил себя поверенным тех, кого любил в этом мире больше всего, — китов и деревьев. Он даже имя изменил, чтобы подчеркнуть свою новую сущность, — Ооки Исана*.

* Ооки — могучее дерево; Исана — отважная рыба (япон.).

Предаваясь размышлениям и духовно общаясь с деревьями и китами, он впервые предпринял серьезную попытку воззвать к душам деревьев и душам китов. Он целиком посвятил себя бесконечному разглядыванию фотографий китов, слушал записанные на пленку их голоса, через бойницы атомного убежища в сильный бинокль наблюдал за росшими снаружи деревьями. Пока деревья были покрыты листвой, ветви выглядели привольно и естественно, но в разгар зимы, черные, как будто закопченные, они казались страдальчески изломанными, чуждыми дереву. В окулярах бинокля на фоне бледного вечернего неба они выглядели мертвыми. День за днем разглядывая эти ветви, он однажды обнаружил, что в них стремительно начинают вливаться живые соки, накапливаться силы, которые вот-вот нальют почки. С этой минуты внутри него самого, в темноте, где пульсировала горячая кровь, даже все увядшее начинало, казалось, набухать и приходило в движение, сопровождаемое оглушительными раскатами грома.

В этот короткий период, пока природа еще окончательно не проснулась, он становился осторожным, как краб после линьки, и все же не мог устоять перед соблазном посмотреть вблизи на деревья, покрывающиеся почками. Он выбегал из дома. Пока почки были заключены в твердые серовато-коричневые панцири, он чувствовал себя в безопасности, будто и сам, как веретенообразная зимняя почка, прикрыт таким панцирем. Но когда из панциря начинало пробиваться нечто удиви-

тельно беспомощное — мягкие зеленоватые листочки, он дрожал от неизъяснимого страха, страха за сотни миллионов почек, которые попадали в поле его зрения. Разве не рушился мир, когда неумолимо жестокие птичьи стаи начинали клевать мягкие соблазнительные почки?

Он видел собственными глазами, как в заросли горной камелии, гомоня, слетались эти невинные существа огромной разрушительной силы, напоминающие стайку опьяневших от восторга детей. И тогда у него, поверенного деревьев, перехватывало дыхание, лицо багровело, и он начинал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу.

Совершая эти соблазнительные, но и опасные вылазки, он каждый раз наламывал ветки с уже разбухшими или только начавшими наливаться почками и, возвратившись в свое убежище, разбрасывал их по столу. Рассматривая веточки, он преисполнялся желания уж в этом-то году обязательно проникнуть в тайну силы, что заставляет почки распускаться, разгадать смысл этого явления. Но долго взирать на муки, которые испытывали начинающие увядать почки, было невыносимо.

И когда позже ему на глаза попадались эти обломанные ветки, он, стараясь не смотреть на них, осторожно перебирал пальцами, точно читал книгу для слепых. Веточки на столе засыхали, как засыхает все лишенное внимания, и напоминали отвратительные лапки птиц, которые так пугали его...

Зимой, когда нет признаков, что почки должны распуститься, души деревьев прячутся в кор-

нях, и деревья погружены в зимнюю спячку. Поэтому и он, стремясь к духовной общности с деревьями, научился у них тоже погружаться в зимнюю спячку. Ночами, когда ветер бушевал в ветвях деревьев, ему ни разу не снились тяжелые сны. Но как только голые деревья начинали покрываться почками, его охватывала тревога. Это была тревога ожидания надвигающейся опасности и в то же время тревога от ощущения того, что он вот-вот столкнется с чем-то неизвестным. Он предчувствовал, что вот теперь как раз и явится ему знамение, которое перевернет всю его жизнь. В такие минуты всем своим телом, всем своим сознанием вожденно ощущал он устремленность к чему-то неизвестному и, бреясь, начинал судорожно ощупывать свое лицо. В нем просыпалось вдруг непреодолимое желание полоснуть себя по горлу, отражавшемуся в зеркале, и лишь огромным усилием воли он удерживал руку, сжимавшую бритву. Не нужно поддаваться искушению. Ведь он живет в этом убежище, оберегая своего пятилетнего сына по имени Дзин, которого врачи считают слабоумным, хотя глаза у мальчика глубокие и ясные, а в остроте слуха вряд ли кто-нибудь сравнится с ним. В их общей спальне было все приспособлено для того, чтобы ребенок мог оставаться один. Теплое чувство к подвалу, где для его душевного покоя в полу было проделано отверстие, обнажавшее крохотный кусочек земли, Исана распространил и на комнату, в которой жил вместе с сыном. Дружеское общение с Дзином в этой комнате, как

единственное по-настоящему полезное деяние, составляло смысл его затворнической жизни.

Дзин, когда-то очень худой, теперь от недостатка движения растолстел, и во всем его облике появились черты, наводящие на мысль, не страдает ли он монголизмом. День Дзина непременно начинался с голосов птиц, которые отец переписал с разных пластинок на пленку. Птичьи голоса отпечатались в сознании ребенка как самостоятельные слова. Обычно Дзин сидел или лежал в изголовье своей раскладной кровати, а магнитофон со скрупулезной точностью воспроизводил голоса птиц. Тихо, чтобы не заглушать магнитофон, Дзин выдыхал, почти не раскрывая губ:

— Это дрозд... — Или: — Это сэндайский насекомоед, это сойка, это камышовка.

Умственно отсталый ребенок мог различать голоса по крайней мере пятидесяти разных птиц, слушать их голоса было для него не меньшей радостью, чем утоление голода. А Исана, снедаемый своей неизбывной тоской, не способный запомнить этого множества птичьих голосов, за исключением таких специфических, как пение кукушки или козодоя, часами с тихой радостью слушал нежные птичьи голоса и еще более тихий голос ребенка, распознающего их.

Однажды, когда казалось, что зима уже кончилась, снова повалил снег, и Исана через свой бинокль стал наблюдать за снежинками, заполнившими все пространство окуляров, будто по ним

лились нескончаемые потоки воды. Снежинки, пенясь, взмывали вверх, потом замирали — опускаются ли они когда-либо на землю, недоумевал он. В пляске снежинок можно видеть синтез почти всех видов движения, и Исана подумал вдруг, что ему открывается всеобщий закон механики. Искрящиеся снежинки взмывали вверх, замирали, потом стремительно мчались в сторону — глядя на них, человек терял ощущение времени. В пространстве, где плясали снежинки, неожиданно появилась птица с черной головой и шеей. Птица трепетала от страха, бессилия, невыразимого блаженства от того, что вот так свободно падает она вниз в бескрайнем небе. Исана несколько секунд следил за ее полетом. Точно в фильме, показывающем, как, накладывая одну краску за другой, печатают гравюру, на спине птицы появилось отчетливое зеленовато-желтое пятно. И птица растворилась в небытии, откуда нельзя вернуться. Тщетно пытаясь отыскать исчезнувшую птицу, Исана увидел, что в заболоченной низине занимаются крепкие молодые ребята. Это были солдаты сил самообороны. В противоположной стороне, на плацу, тоже проводились учения, там же виднелись и казармы.

Вечером, когда за стенами убежища шуршал дождь со снегом, Исана снова подошел к бойнице и навел бинокль. Он увидел вдаль одинокий дуб, по которому хлестал дождь со снегом. Но сумерки уже сгустились, и ему удалось разглядеть лишь могучий серовато-черный ствол. Он так долго смотрел на дуб, что почувствовал, как в него влива-

ются излучаемые дубом волны, и понял: он отождествляется с душой дерева. И, как будто слившись с этим дубом, он ощутил, что это его насквозь промочил дождь со снегом, ощутил сбегające по стволу капли воды. От напряжения у него взмокли лицо и руки, держащие бинокль, и он ощущал себя влажным, покрытым глубокими трещинами стволом дерева. Дуб во плоти и крови дрожит от холода, но дух его не поколеблен. И лишь оттого, что на нем сидят птицы, он испытывает неприятное ощущение в висках. Его глаза видят то же, что видит дуб. Птицы, на которых сзади налетал ветер, с трудом удерживают равновесие. Ветер взъерошил их перья на груди и боках, и они, словно задравшаяся кора, потемнели. Неподвижно сидящие птицы кажутся пышными и величавыми, но их головы, когда время от времени они смотрят вниз, без конца вертя ими, выглядят до смешного крохотными. Исана, подражая щебету птицы, произнес: «Курукуку-бо-бо», — и ребенок, чуть слышно жевавший позади него, сказал: «Это горлица...»

Воображаемая горлица, ободренная тем, что Дзин узнал ее, еще крепче вцепляется острыми когтями в ствол дуба. Но и это не более чем легкое прикосновение. Он все реальнее, осязаемее превращается в дуб. Какая-то неведомая сила изнутри и извне давит на глаза, прильнувшие к биноклю. Давление становится все сильнее, кажется, что глаза вот-вот лопнут. Он уже не может смотреть в бинокль. Он превратился в дуб, и время внутри

и вне его проносится независимо одно от другого. Он навзничь падает на кровать, как падает срубленное дерево. Чтобы снова превратиться в самого себя, требовалось время, и поэтому, хотя ненаевшийся Дзин протягивал ему пустую миску, он был не в состоянии приготовить еще еды. Он был обессилен, как человек, которому пришлось долго бежать.

Глубокой ночью море вышло из берегов, открыло всю землю, и киты, которых еще не успели истребить, решившись на последнее средство, подплыли к убежищу и стали бить по его железобетонным стенам чем-то мягким, влажным и тяжелым — плавниками. Пришедшие из моря вместе с морем, они били по стенам, чтобы деликатно, но в то же время настойчиво выразить свою волю. В полусне он чувствовал, что ждал их прихода. И поскольку он ждал их прихода, ждал, что они будут вызывать к нему, думал он во сне, то отказался от всех благ, которые сулил ему реальный мир, и поселился в этом убежище. Но, ожидая их, он не знал, как ответить на их призыв. Он был готов ждать, ждать до бесконечности. И вот он ждал, вытянувшись на кровати, весь трепеща. Но киты никогда не смогут разрушить стены убежища и проникнуть внутрь.

На следующее утро он услышал по радио, что солдаты военного оркестра сил самообороны, проходившие обучение в заболоченной низине, подверглись нападению группы хулиганов и есть тяжелораненые. Может быть, в стену и стучали как раз солдаты сил самообороны, у которых были

сбиты в кровь руки и они не могли стучать сильнее? Или, может быть, хулиганы решили напасть на укрывшихся в убежище?

Поздно вечером он добрался до железнодорожной станции, находившейся на возвышенности за убежищем, и купил все вечерние газеты. Создавалось впечатление, что силы самообороны не склонны предавать гласности подробности инцидента — в газетах не было никаких подробностей, помимо тех, которые сообщались по радио. Но полиция проводила собственное расследование, и к Исана пришли двое полицейских. Полицейские, стоя в прихожей убежища Исана, сказали, что у них есть сведения не только о происшедшем здесь столкновении группы хулиганов с солдатами сил самообороны, но и еще о новом инциденте. Как правило, Исана никому не разрешал переступать порог убежища. Он всегда придумывал вполне логичный предлог, чтобы отказать всякому (включая и жену, которая жила отдельно), кто собирался проникнуть к ним. Иногда, анализируя свое поведение, он даже приходил к мысли, уж не из удовольствия ли вот так отказывать людям он и укрылся в убежище. Особенно назойливыми были торговцы, которые, узнав, что у него есть ребенок, приносили детские журналы, письменные принадлежности, и ему приходилось придумывать самые невероятные предлоги, чтобы отражать их атаки. Поскольку он не собирался откровенничать с торговцами, которых до того и в глаза не видел, относительно умственных способностей своего сына, то нужна была

серьезная подготовка, чтобы, не дрогнув, отбить наступление неприятеля.

Однако на сей раз ему самому было любопытно узнать о происшедшем инциденте, поэтому он и решил воспользоваться приходом полицейских. Но стоило ему впустить полицейских в прихожую, как весь их интерес переключился на убежище и его обитателей. Они начали выпрашивать Исана, почему он поселился в этом одиноком странном сооружении. Объяснить полицейским причину было совершенно невозможно. Оказавшись в безвыходном положении, чтобы защитить себя и Дзина, Исана проявил весь свой опыт и изворотливость, которые в тяжких обстоятельствах всегда приходят на помощь «независимому человеку» — *homo grise*. Его укрытие, объяснял он, объединяя и бункер и надземную часть здания, было сооружено в порядке эксперимента одной крупной строительной компанией еще в тот период, когда в стране планировалась постройка атомных убежищ и предполагалось их поточное производство. В течение нескольких лет весь этот низинный район, где расположено убежище, будет отчужден для сооружения скоростной автострады, а до тех пор строительная компания вменила ему в обязанность жить в убежище, чтобы защищать ее законные права. Говоря это, он достал коробку с документами и показал их полицейским.

Он знал, что имя, которое полицейские найдут в документах, послужит для них могучим сдерживающим фактором. Полицейские, разумеется, не

оказались равнодушными к известному в кругах полиции влиятельному деятелю консервативной партии, которым являлся президент строительной компании, тесть Исана. Понимая, что даже малейшие подозрения в отношении него совершенно необоснованны, полицейские вернулись к подробному рассказу об инциденте. Нисколько не заботясь о том, какую бурю вызовет в душе Исана их рассказ. После их ухода, успокоившись, потому что ему удалось избежать лишних хлопот, связанных с доказательством достоверности своего объяснения, он вдруг ощутил, как жажда почувствовать вожаденное и в то же время неясное знамение еще больше распаляет охвативший его тело жар. И хотя знамение действительно было еще расплывчатым, трудно уловимым, оно, излучая чуть заметное желтоватое сияние, уже несло по орбите и рано или поздно должно его настигнуть. Он проверил, заперты ли двери прихожей и кухни, убедился, что ребенок спит, и, охваченный непонятным возбуждением и одновременно все обостряющимся чувством мрачной безысходности, опустошенности, заплетающейся походкой подошел к люку, спустился по железной лесенке вниз и погрузил ноги в красновато-коричневую мокрую землю тридцатисантиметрового квадрата. И, чувствуя, как к нему возвращается ощущение реальности существования, стал восстанавливать в памяти рассказ полицейских.

Решив после работы выпить, полицейский агент пошел домой, чтобы оставить там пистолет, и по